

Труды Галичского Отделения Костромского Научного Общества
по изучению местного края. Выпуск III.

А. Н. СОЛОВЬЕВ.

ПИТЕРЩИКИ—ГАЛИЧАНЕ.

(Этнографический очерк).

Издание Галичского Отделения Костромского Научного Общества по изучению местного края
на средства, пожертвованные Галичскими советскими учреждениями и кооперативными организациями.

Тер. ГАЛДЗ.

Типография Галичского Отдела Местного Хозяйства.

1923.

От Правления Общества.

Галичское Отделение Костромского Научного О-ва, образовавшееся в 1921 г., постепенно развертывает свою работу в области изучения естественно-исторических, исторических, бытовых и экономических условий жизни Галичского края. Как организация молодая, неимеющая в своем составе достаточного контингента научно-подготовленных работников и притом не субсидируемая государственными органами, Отделение всецело рассчитывает на дружную поддержку его более мощными краеведческими организациями соседних уездов и губерний, а также на живой отклик местных советских учреждений и широких масс населения.

Наша горячая просьба ко всем организациям и частным лицам, имеющим какие-либо письменные материалы и вещественные памятники, относящиеся к Галичскому краю, передать их Отделению или же сообщить об их местонахождении. За все присланное Правление вперед приносит свою благодарность.

П р а в л е н и е.

Питерщики—Галичане.

(Этнографический очерк).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

Одним из наиболее распространенных средств борьбы за существование среди населения Галичского уезда является отхожий промысел. Галичане разбиваются на множество самых разнообразных городских профессионалов, преимущественно строительных цехов: маляров, столяров, плотников, печников, кровельщиков и т. д. Между всеми профессиями количественно занимают первенствующее положение маляры. За ними следуют плотники, относительный процент которых является тоже довольно высоким, и затем уже идут остальные, сравнительно малочисленные, профессии. Крестьянское население Галичского уезда нельзя считать, поэтому, земледельческим, в прямом смысле этого слова, его можно назвать смешанным, полурабочим, полукрестьянским. Подавляющее большинство этого отхожего населения с давних пор установило свою рабочую связь с Петроградом, „Питером“, по народному выражению, откуда и установился так распространенный в пределах уезда и ближайшей округи термин „питерщик“, относящийся к массе отходников, возвращавшихся в родные деревни лишь на зимний период, когда в городе кончались строительные работы. Одними из главных причин развития отхожего промысла в Галичском уезде являлись—крайнее малоземелье и плохо развитая промышленность внутри самого уезда *). Еще во времена крепостного права помещики Галичского уезда не являлись крупными землевладельцами. Своих крепостных крестьян, в большинстве случаев, они держали не на барщинном, а на оброчном положении. Чтобы уплатить оброк своему барину, крестьяне должны были заработать деньги где-либо на стороне. Естественно, что отхожий промысел предоставлял наибольшие возможности к этому, и отсюда, надо думать, он берет свое основное начало вместе с развитием разнообразных профессий, переходящих от дедов к отцам, от отцов к сыновьям. Облюбованной профессией, преимущественно малярной, постепенно заражались целые деревни, а затем и целые волости **). Для обработки земли в деревне оставались немногие крестьяне („домолеги“): они обрабатывали, помимо своих пашен, и пашни „питерщиков“. Имея немудрую лошаденку, пахарь справлялся с пятью и более взятыми для обработки земельными наделами питерщиков и, получая за это соответствующую плату, легко мог жить в деревне без

*) Возможно предполагать, что некоторую роль в развитии местных отхожих промыслов сыграли также и административные мероприятия Петра I-ого, связанные с построением Петербурга, когда в него вызывалось население из ряда близлежащих северных губерний.

***) Характерно для уезда, что в ряде его волостей держится с давних пор какая-либо одна из упомянутых профессий, передаваемая „по наследству“.

отхожего промысла. Таким образом, земельное хозяйство питерщиков, оставаемое на наемные руки, на баб-домохозяек, на стариков и ребят, хотя и поддерживалось, но не развивалось. Редкий питерщик, вернувшийся к зиме в деревню, имел возможность прокормиться до весны собранным со своего хозяйства хлебом: большинству приходилось прикупать, в особенности жителям пригородных деревень, где земельные наделы были крайне скудны. Без зимнего промысла в деревне трудно было существовать, и каждый старался изыскать его, смотря по окружающим природным условиям. В лесных местностях уезда питерщики рубили лес и продавали его в Галиче на базаре, занимались производством мелких кустарных изделий из дерева: плетением кузовьев, корзин, изготовлением лотков, совков, кадушек и т. п. Все изделия вывозились в Галич по базарным дням для продажи. В местах, прилегающих к рыболовным рекам, в зимнее время питерщики занимались рыболовством. Домашний промысел и поддерживал их существование. Особенно выгодным было рыболовство, при удачных уловах дававшее нередко питерщику в каких-нибудь 2 месяца весь его летний городской заработок. Правда, им занимались немногие, так как это обуславливалось местожительством возле рыболовных рек и наличием рыболовных „заведений“ (снастей). На питерщиков и остающихся дома „домолегов“ деревня имела свой особенный предвзятый взгляд. Она усматривала в каждом из домолегов грубость и неповоротливость, в то время как питерщики у нее считались „фартовыми“ и „форсунами“, умеющими „пустить пыль в глаза“ и городским словом и городским платьем. Да и сами питерщики смотрели на „домолегов“ полупрезрительно. Нет сомнения, что и последние не оставались в долгу, называя питерщиков „безкобыльниками“ (у большинства питерщиков не имелось своих лошадей). Однако, оценивая с материальной стороны положение питерщика и домолега, можно с уверенностью сказать, что положение последнего было несравненно прочнее: у него имелось и более обширное, часто культивируемое хозяйство и достаток хлеба наряду с другими предметами первой необходимости.

Правда, и среди питерщиков были отдельные лица, чувствовавшие себя достаточно прочно и устойчиво, как в городе, так и в деревне. К этой группе можно отнести самостоятельных подрядчиков, десятников и хороших „непьющих“ мастеров. Остальные же, рядовые рабочие, жили незавидною жизнью и в городе, и в деревне в особенности. Большинство из них почти никогда не выходило из хозяйской кабалы, забирая у хозяев деньги вперед под летний заработок. Благодаря постоянной домашней нужде, долги эти копились из года в год. Иногда даже детям приходилось отрабатывать долги своих родителей. Подрядчики всегда старались держать в „ежевых рукавицах“ бедноту, а десятники, (сами должники подрядчиков, но на более льготных условиях), во многих случаях способствовали этому кабальному закреплению, всеми способами стараясь удержать за своими хозяевами рабочую силу.

Оценивая беспристрастно психологию большинства рядовых питерщиков, можно сказать, что почти каждый из них имел заветную мечту впо-

следствии стать самому подрядчиком и жить, „припеваючи“, на легкий заработок за счет других. Коллективной пролетарской спаянности среди большинства питерщиков почти не наблюдалось: разве только у крупных подрядчиков в самых крайних случаях ими велась слабая разрозненная борьба за улучшение своего экономического положения; но в большинстве случаев она почти всегда оканчивалась поражением рабочих. Постоянная боязнь лишиться заработка и тяготение к жалкому, но насиженному клочку деревенской земли обособили рядовых питерщиков и не выработали из них сплоченного класса пролетариев. Психологию их можно назвать узко-местнической; если у них и была товарищеская спаянность в городе, то разве только между земляками одной деревни или нескольких соседних знакомых деревень. Все эти земляки, знакомые, сваты и братья об'единялись вокруг своего хозяина и обособленно тянули свою трудовую лямку. Какойнибудь новичек маляр, толкнувшись в городе к нескольким подрядчикам в поисках работы и получив отказ, встречаясь на улице с представителями описанного „об'единения“ галичан, обращался к ним с обычным вопросом:

— От кого земляки работаете?

„Земляки“ неприветливо смотрели на вопрошающего и нехотя называли фамилию своего подрядчика.

— А что, он не берет работать?—допытывался новичек.

— Не берет... куда вас, самим скоро делать будет нечего,—отвечают неприветливо галичане. И ответ этот звучал не всегда искренне.

Боязнь конкуренции и лишения заработка заставляли иногда лгать рабочих друг перед другом. Здесь не было товарищеской солидарности, которая наблюдается между заводскими рабочими. Маляры, обособленные вокруг своего подрядчика, чуждались незнакомых пришлецов, чуждались всяких новых веяний, а в особенности забастовок, и этим они добровольно усиливали хозяйскую кабалу.

Возникший после революционного движения 1905 года союз строительных рабочих мало чем помог галичанам-питерщикам. Правда, с его помощью впоследствии маляры организовали свои трудовые артели, но последние строились не по общественному принципу, а по образцу земляческих об'единений, и состояли из тех же соседей, знакомых, родных—сватов и братьев и пр. Эти артели не прочь были использовать и пришлую наемную силу, применяя все способы грубой эксплуатации. Но даже и это артельное дело не было поставлено достаточно широко.

Тяготение к деревне и к земляческой обособленности всегда сказывалось в питерщиках и не сделало из них городских рабочих в положительном смысле этого слова.

Неорганизованные в массе „питерщики“—отходники глухих и далеких деревень, порабощаемые эксплуататорской рукой подрядчиков и хозяев, если и были чем сильны, то знанием и мастерством своей профессии, создавшими им хорошую городскую репутацию, облегчавшую нередко подыскание заработка.

Последующие строки очерка мы и посвятим одному из видов отхожей силы, наиболее распространенной среди местных „питерщиков“, — малярно-живописному цеху, проследив его последовательно с начального ученичества до института подрядчиков включительно.

У Ч Е Н И К И.

Боясь выйти из колеи обычной налаженной жизни, отцы всегда старались передать свои способности и познания сыновьям, посылая их в ту же школу, которую проходили и сами. У большинства населения Галичского уезда этою школою являлось обучение малярному ремеслу. Отец отдавал своего сына 12-ти летнего возраста в учение к подрядчику не менее, как на 4 лета, в течении которых ученик считался почти собственностью хозяина. Отец приводил к хозяину своего сына, (обычно это было в деревне), и с низжайшими поклонами просил взять „лоботряса“ в обучение. Он, мол, уже достаточно подрос, пора ему и свой хлеб зарабатывать, не все-де на отцовской шее сидеть да „на собаках шерсть бить“. Подрядчик, для которого ученик являлся самым выгодным материалом для эксплуатации, сначала умышленно долго ломался, ссылаясь на упадок работ, на слишком большое предложение учеников, на малорослость ученика и т. п. И только после достаточных родительских просьб, наконец, соглашался взять его, как будто он делал этим великую милость отцу и сыну. Составлялось домашнее условие между отцом ученика и подрядчиком, с момента которого ученик окончательно закабалялся в чужедальнюю сторонушку. Условие обязывало ученика прослужить подрядчику верой и правдой 3½ года, т. е. 4 лета и 3 зимы, (очень редкие подрядчики брали учеников на меньший срок). По окончании срока учения, по условию, подрядчик обязывался купить ученику приличный костюм, пальто, шапку, сапоги с галошами, две пары белья и наградить деньгами в сумме от 30 до 35 рублей, часть которых неизбежно забиралась родителем авансом на сборы сыну и т. п. Маленькая жертва снаряжалась в далекий путь, сопровождаемая жалобными причитаниями матери и суровым внушением отца, „подчиняться старшим и слушаться во всем дяденьки-хозяина“. Ученик прощался с деревней, с знакомым Галичем и, затем, вместе с себе подобными товарищами, близкими земляками, в сопровождении какого-нибудь взрослого однодеревенца погружался в „телячий“ вагон и отправлялся в Питер на выучку.*)

Питер встречал учеников неприветливо. После деревенских игр и гулянок ребятишки попадали в ежовые рукавицы дядюшки-хозяина, его десятников и рабочих. Для жилища, верней для ночлега, ребятишкам давали грязные углы где-нибудь в кухне или в коридоре переполненной рабочими квартиры. На работу их поднимали первыми с 5-ти час. утра. В первое лето обучения их обычная работа была на хозяйской кухне и в малярной

*) До проведения в Галиче линии жел. дороги проводы «питерщиков» происходили обыкновенно на Костромской горе, открывающей собой Костромской тракт, откуда последняя и получила свое название «плакучей горы».

кладовой. На кухне ученики с утра приготавливали самовары для рабочих и для хозяина, затем варили обед, а в свободное от поварских занятий время их посылали в кладовую растирать краски, чистить малярную посуду, мыть кисти, убирать мусор и т. п. Кроме того ученики бегали в москательные лавки за материалом, таская который нередко надрывали себе животы от непосильных поносок. Словом, они выполняли самые тяжелые, грязные и неблагодарные работы. За все это ученики получали бесчисленную площадную брань от хозяина, десятников и рабочих и побои всех видов от тех же руководителей—старших дяденек за малейший проступок. Иногда учеников брали на работы в ремонтируемые квартиры, но и здесь им поручали самое грязное дело, как, напр., вытаскивание мусора, приготовление известки для побелки и т. п., причем подмастерья, сами прошедшие школу малярного обучения и испытавшие на себе все прелести этой школы, любили в свою очередь поиздеваться над учениками из новичков. Излюбленным издевательством было—посылка ученика в мелочную лавочку купить на 3 копейки „потасовки“ или „Совкового масла“. И посланные ученика приходили в восторг, если он приходил из лавочки с плачем. Практиковались и грубые шутки: мастер или подмастерье подносил к физиономии ученика кисть, жирно омоченную клейстером, и говорил: „А ну-ка плюнь на кисть и смотри, как она закипит“. Ученик плевал и получал удар в физиономию грязной кистью при торжествующем хохоте своего учителя: „Смотри, закипело ха-ха-ха! Иди умывайся“. Такие „шутки“ проделывались добродушно для развлечения, и на них ученик не имел права обижаться. В первое лето описанной практикой и ограничивались все приобретенные познания ученика в малярном искусстве. Туго приходилось этим ученикам, отданным к мелким подрядчикам („кустикам“). Нередко ученики оставались без обеда и ходили без сапог, имея с внешней стороны вид невероятно грязных существ, покрытых толстым слоем всевозможных красок. Их одежда всегда напоминала твердую броню из красочных наслоений, которая не рвалась даже от времени, а лишь ломалась. Подрядчики совершенно не обращали внимания на внешний вид своих учеников, стараясь лишь использовать их до крайности. Так, напр., если заболевший ученик попадал в больницу, то подрядчик назначал ему после срока учения выработку за все время болезни бесплатно. Зимой большинство подрядчиков, не имея работы и отправляясь домой на отдых, чтобы не кормить даром хлебом своих учеников, отдавали их куданибудь в новое учение на зиму: в коробочники, в картонажники, в басонщики и т. п., где они столь же продуктивно, как и летом, проходили курс новой школы. От таких методов обучения ученики походили на диких зверьков и понемногу усваивали привычки своих учителей: сквернословили, били слабосильных из своих товарищей и понемногу приучались пьянствовать. Так обстояло дело у многих галичских подрядчиков. Некоторые из учеников пускались по другой дорожке: наущничали хозяину на рабочих и всячески прислужничали, чтобы заслужить хозяйское доверие; таких учеников рабочие всей душой ненавидели, хозяева же впоследствии ставили их

десятьниками. Правда, среди учеников были и такие, которые, благодаря своей смывленности, умели угождать и хозяину и рабочим. в то же время не разлагаясь нравственно, как большинство товарищей. Находились также и подрядчики, составлявшие исключение. Это лица, наиболее культурные из своей среды и любовно относившиеся к профессии; они, не имея в зимнее время работы, все же держали учеников у себя и, посылая их в свободное время учиться в рисовальные школы, подготавливали таким образом хороших будущих мастеров малярно-живописного цеха. Такие подрядчики любили свою профессию, всячески ее совершенствовали, но к сожалению, были весьма немногочисленны.

Во второе лето обучения учеников понемногу начинали знакомить с профессиональной работой. Хозяева посылали их вместе с рабочими для выполнения мелких услуг и незначительных грязных работ: чистки полов пемзой, побелки грязных дворовых уборных, приготовления материалов, намазывания клейстером обоев при оклейке комнат и т. п. При этом подмастерья ставили в строжайшую обязанность мальчишкам бегать по первому требованию в казенку за водкой, „не разевая рта“, чтобы не попасть на хозяйский глаз. Ученики приспособлялись и постепенно сами втягивались в пьянство, впоследствии превращаясь в горьких пьяниц. За вторым летом для ученика наступало снова зимнее обучение, но не малярному, а какому-либо другому ремеслу, протекавшее с той же последовательной методичностью, как и летнее.

В третье лето обучения ученик уже постигал несложную практику посредственного подмастерья и заменял хозяину взрослого, которому приходилось платить поденщину от 1 р. 50 к. до 2 рублей. Для учеников у большинства подрядчиков не существовало ни праздничного, ни вообще какого бы то ни было установленного отдыха: он всегда должен был быть в боевой готовности для урочных и сверхурочных работ. Хозяева, насколько возможно, старались выжать из учеников побольше прибыли и извлекали ее со всею строгостью. Многие ученики не выдерживали хозяйской каторги и, прожив год—два, убегали от своих „благодетелей“, обрекая себя на всевозможные лишения, лишь бы снова не возвращаться в грязный угол, где они, кроме скверных ругательств, пинков и побоев, ничего не видели. Наиболее стойкие ученики выносили хозяйскую кабалу до конца, ожидая срока окончания своего учения, как величайшего праздника и избавления от тяжкого ига.

В последнее лето обучения ученики уже постигали всю премудрость простого малярного дела и заменяли хозяину хорошего подмастерья, стоящего до 300 рублей за рабочий сезон. Хозяйский хлеб, затраченный на ученика, окупался с лихвой.

Наступал и конец обучения. Ученик получал все, причитающееся ему от хозяина по условию, прихватывал у хозяина деньжонок авансом под будущий заработок (в большинстве случаев причитающееся при расчете денежное вознаграждение забиралось заранее) и возвращался в дом отчий

настоящим „питерщиком“. Своим франтоватым видом он вызывал зависть у своих однодеревенцев, в особенности подростков, не имевших счастья пройти питерскую школу. Матери отданных в учение ребятишек, срок которых еще не кончился, смотря на питерщика, мечтательно переговаривались: „Вот, мол, и наши сынки такими же нарядными да разбитными приедут... Ой, ты, батюшки светы, и не дожدهшься, кажется!!!“ А мать и сестры питерщика хвастали перед соседями городскими подарками — платками, ситцем или платьем. Деревенские ребятишки в торжественные дни приезда питерщиков — однодеревенцев получали по мятному прянику, для чего они гурьбою подходили к окну дома приехавшего и кричали: „Дайте-ка пряничка!“ Порядок раздачи пряников все время сохранялся в близь расположенных от Галича деревнях до последних лет. Питерщики, не оделившие ребятишек пряниками, считались прогоревшими. Об этом демонстративно кричали разочарованные ребятишки под окнами питерщиковой избы, а затем разносили весть по всей деревне, что считалось для питерщика немалым стыдом. Каждый из них, поэтому, уезжая в деревню, считал своей необходимостью везти туда пряников, хотя бы это было и в ущерб более необходимым для дома покупкам.

ПОДМАСТЕРЬЯ.

Постигнув практику несложного малярного дела ценою 4-х летнего, кабального испытания, ученик становился уже подмастерием и методом испытанным на себе, обучал вверенных ему хозяином учеников, наслаждаясь званием подмастерья. Многие из таких новоставленных подмастерьев проявляли особую жестокость к ученикам, иногда без всякой видимой причины: этим они как бы вымещали все свои обиды и побои, полученные ими за долгие годы тяжелого ученичества.

Общие условия быта галичан — питерщиков нельзя назвать завидными. Ютились они, в большинстве, в темных и неуютных углах, платя за каждый угол от 1 р. 80 к. до 2-х рублей в месяц, питались еще того хуже. Обычный обед маляра, бывшего не на хозяйских харчах, состоял из $\frac{1}{2}$ фунта колбасных обрезков ценою в 5 копеек, 1 ф. черного хлеба или же 3-х копеечной селедки с хлебом и чая; некоторые ограничивались 1 фунтом ситного и чаем. Обычный расход скромного и выдержанного маляра составлял 30 копеек в день. На эти деньги маляры ухитрялись еще снабжать себя табаком и 3 раза в день пить чай, а отдельные из них умудрялись жить даже на 20 копеек в день, чтобы побольше сэкономить на деревенскую нужду. Правда, были и такие, которые проживали до 50 копеек в день, но это уже считалось роскошью, и таким лицам при расчете приходилось получать незначительную сумму. Дневной заработок рядового маляра колебался от 1 р. 50 к. до 2-х рублей; хорошие мастера получали до 3-х рублей при 11-ти часовом рабочем дне (с 6-ти часов утра до 6-ти вечера, из них 1 час на обед).

Для маляра — самостоятельного деревенского хозяина главной целью было — побольше выслать денег в деревню для поддержки крестьянского хозяйства и вообще „приберечь копейку на черный день“. Но иногда случался грех и с такими крайними экономами. После голодовки при 20 копеечном ежедневном расходе они внезапно отступали от обычного бюджета и, забрав у хозяина весь заработок „под расчет“, „запивали горькую“ и пропивали все до последней копейки, а затем опять еще более сокращали свои расходы на питание, чтобы наверстать потерянное, и героически голодали до осени, т. е., до окончания работ.

У маляров — галичан в Питере были свои излюбленные районы, в которых они ютились „стайками“. Например, „Канонерия“ („Канонерская“ и прилегающие к ней улицы и переулки), Пески, Петроградская сторона и множество других районов, разбросанных во всех частях города. В каждом районе был свой излюбленный трактир, в котором и происходили постоянные свидания земляков, и пропивались значительные суммы денег. Если с маляром случался загул осенью, когда кончались работы, то загулявшему приходилось туго. Этот расход уже нельзя было наверстать никакой экономией; горемыкам приходилось зимовать в Питере и кое-как пробиваться случайным заработком, ютится в холодных углах. Они напоминали собою перелетных птиц, отставших от родного стада, улетевшего на юг. Однако, оставшись без гроша в кармане, маляр не всегда падал духом. „Э, чего там! елка еще зелена“, — подбадривал он себя. Некоторые отправлялись домой пешком (от Питера до Галича 637 верст), но, увы, большинство таких путешественников по дороге попадали „на блок“, т. е., на этап. Такому путешествие технически облегчалось: его в целости доставляли на казенный счет в свое волостное правление и сдавали на руки родственникам. Пересыльные пункты трактовых дорог между Питером и Галичем не мало пропустили через свои мрачные недра вместе с ворами и бродягами и злосчастных галичских маляров, т. к. значительное число рабочих этой профессии представляли из себя пьяниц, среди которых немало было, конечно, и хороших мастеров. Но „на блок“ попадали только самые горькие пьяницы, остальные же, хотя и с грехом пополам, но все же возвращались в деревню не за казенный, а за свой счет, не роняя в глазах деревни репутации исправных питерщиков. На „этапников“ деревня смотрела с презрением.

По поводу зимнего прозябания маляров в Питере среди строительных рабочих существует не мало сатирических шуточек и анекдотов. Наиболее популярными являются сатиры такого рода:

(Шутник задает маляру вопрос и сам на него отвечает)

Летом:

— Маляр, хлеба хочешь?

Маляр отвечает:

— Ситным морду растычу!

Зимою:

— Маляр, хлеба хочешь?

Маляр жалобно:

— Положи на тумбочку, а то обманешь. .

Или шутка в таком роде. Шутник подражает уличному продавцу лубочных изданий, выкрикивая:

— А вот. полное описание, жизнь и страдание в зимнее время Галичского маляра. Книжка и образок—две копейки!

Или:

В Питере продают арбузы. Значит: маляры, продавайте блузы, домой готовьтесь, паспорта летят, (т. е., с деревьев лист осыпается). Гляди запоздаешь, так к забору примерзнешь.

Не мало и других шуток.

Например, маляр на работе без хозяина:

Кисть в руках маляра движется медленно и вяло. В такт ее движениям маляр поет:

„Вниз по матушке по Во-олге“...

Хозяин идет.

Движения кисти моментально ускоряются, маляр изменяет песню.

„Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои“... поет маляр, завидя хозяина.

Или: как узнать галичского маляра по его речи? Маляра спрашивают:

— Земляк, какой губернии?

— Кто, я то?—отвечает маляр торопливо.

— Э, брат. не говори: вижу, что Костромской, Галичского уезда,— смеется спрашивающий:—галичский, паря, сразу виден: „кто я то? меня то? мы то? Тут уж шила в мешке не утаишь. Эх, вы, гуща галичская!

По поводу гущи существует такой анекдот: Зазимовавшие в Питере маляры-галичане заработали на праздник Рождества денег и на них купили гуся, которого ели, ели, а с'есть не могли—осталось. Об этом событии малярам надо было похвастаться перед деревенскими родственниками в письме. Но маляры сами неграмотные. Нашли они грамотного человека и продиктовали, что надо написать. Грамотный человек в шутку написал такую пародию: „Купили мы на праздник горшок гущи. Ели, ели с'есть не могли—ус...“ (Шутник ставлял от себя непозволительное словцо). И появился анекдот „о славных людях Галича, встретивших Рождество с горшком гущи“. В Питере часто смеются над галичским наречьем, от которого галичанам трудно избавиться, но и галичане не остаются в долгу, отвечая тем же уроженцам других губерний.

Жизнь маляров—подмастерьев при нормальных условиях работы в Питере и при хорошей трезвой выдержке их самих давала кое-какое мате-

риальное обеспечение им и их семьям. Выслав часть заработка в уплату за пашню и на другие домашние нужды, они имели возможность затратить кое-что и на приличное платье, и на подарки деревенским родственникам. Приехав в деревню, они сразу же задавали тон и резко выделялись из серой деревенской толпы своим городским платьем, хотя у многих за зимний период и не сходились концы с концами, и нередко на весну городское платье закладывалось или продавалось. В лучшем случае, у подрядчика брался аванс на дорогу в Питер, под летний заработок.

М А С Т Е Р А.

Мастеров малярно-живописного цеха можно выделить в особую группу, более высокой квалификации по сравнению с подмастерьями. Галичский уезд немало дал таких мастеров. Они всегда были на лучшем счету у подрядчиков, как специалисты в этой области. В то время, когда подмастерьев посылали на грязную и тяжелую работу, для мастера находилась у подрядчика более легкая и чистая работа внутри лучших ремонтируемых помещений: разделка дверей под разные дерева, раскрышка потолков соответствующими тонами, писанье углов, розеток, тяга филенок и т. п. Простые подмастерья хорошо выполнить эту работу не могли. У крупных подрядчиков, где дело было поставлено широко, для мастеров всегда находилась специальная работа: они работали во дворцах, в музеях, в театрах и т. п., нередко являлись незаменимыми помощниками художников и живописцев, а иногда и самостоятельно выявляли свои творческие способности, как уборщики, колеристы, деревщики и самородки-художники и живописцы. Таких мастеров подрядчики особенно ценили и прощали им то, чего не прощали рядовому подмастерью, (главным образом, пьянство). Но, несмотря на хорошие условия работы, у большинства мастеров от заработка оставалось все же не более, чем у рядового, но выдержанного подмастерья. Мастер, имеющий хороший заработок, имел и более широкие потребности по сравнению с подмастерьем. В результате, деревенское хозяйство мастера ничем не отличалось от хозяйства рядового маляра. А некоторые мастера, имея постоянную работу, жили все время в Питере, перевозили к себе семью и, таким образом порвав связь с деревней, постепенно превращались в пролетариев.

В развитии малярно-живописного цеха роль мастера всегда являлась и, является руководящей. Маляры—галичане обязаны развитием и совершенствованием своей профессии, главным образом, мастерам. Многие из них самостоятельно превращались в хороших живописцев и даже в художников не проходя специальных школ. Их единственной школой являлась только практическая рабочая школа и желание быть артистами своего дела.

Если заглянуть в некоторые деревни и села Галичского уезда, в церкви и во внутренние помещения хороших домов, в большинстве случаев подрядчицких, то и теперь еще в них можно найти живописные работы местных

мастеров. Да и в Галиче еще не мало сохранилось этих работ. С особенною тщательностью к своим работам относился мастера старого типа, но эту работу теперь уже можно встретить не часто, да и то со следами разрушения от времени. У новых мастеров нет уже такой выдержки, но есть новый стиль, форма и вообще прогрессирующее новаторство. Разрушительный ураган революции остановил дальнейшее развитие самобытного творчества наших галичан, а самих творцов бросил на путь более грубой борьбы за существование.

ДЕСЯТНИКИ.

„Внутренними врагами“ у рядовых маляров считались десятники. Десятниками хозяева назначали, обычно, своих родственников или рабочих непьющих, хорошо знающих свое дело и глубоко преданных хозяйским интересам. Роль десятника была руководящей. Они распределяли рабочих по работам, выдавали материал, а сами отправлялись с подрядчиком пить чай, за которым и разрешались вопросы, связанные с текущей работой. После чаепития они появлялись на работах: прикрикивали на рабочих — лентяев, поощряли трудолюбивых и вообще следили за порядком. Плохо приходилось рабочему, неумеющему заслужить расположение своего десятника. Такой рабочий, обычно, был на худшем счету у хозяина, его посылали на самые тяжелые и грязные работы, десятник придирался к нему за каждый пустяк, а осенью, когда работ было меньше, такому рабочему хозяин первому выдавал паспорт в зубы (расчет) и говорил на прощанье: „Просим милости больше к нам не являться“.

Редкий рабочий не находился в зависимости у своего десятника. Новичек, поступающий на работу, считал своим священным долгом при первой же получке угостить десятника и тем сразу заслужить его расположение к себе.

Десятники всегда были правою рукою хозяина, их не рассчитывали до полного окончания работ, а при расчете хорошие, по мнению хозяев, десятники задабривались особым денежным вознаграждением за верную службу. Таким образом, подрядчики завербовывали кадр преданных себе людей и старались укреплять эту преданность из года в год. Но случались и казусы: хозяева иногда горько разочаровывались в верноподданических чувствах своих поверенных. Некоторые хитрые десятники действовали на два фронта: завоевав доверие подрядчика, они понемногу втирались в доверие и работодателя, затем сбивали цены на работы и сами превращались в подрядчиков, отбив у хозяина работу. Впрочем, это могли сделать только те десятники, которые обладали соответствующими талантами, большинство же служило подрядчикам верой и правдой до гробовой доски, довольствуясь малым. Но и от „малого“ в Галичском уезде не мало выросло домов десятников, не уступающих домам солидных подрядчиков.

У мелкого подрядчика десятнику негде было развернуться: ему поручался всего какой-нибудь десяток рабочих, да и сам он работал почти

наравне с ним. Единственным плюсом для такого десятника являлось „сшибание мелких шишек“, т. е., тайком от хозяина десятник брал незначительные работы и выполнял их, пользуясь хозяйским материалом. За то у крупного подрядчика десятники распоряжались сотнями рабочих, сами почти не брались за кисть, а лишь надсматривали за работами или сидели в пивных и трактирах в компании управляющих и старших дворников ремонтируемых зданий. Такие десятники не ограничивались „сшибанием мелких шишек“. Помимо готового хозяйского материала, на свои тайные работы они посылали еще и рабочую силу из числа вверенных им рабочих. В кармане таких десятников всегда водилась денюга, они могли великомерно жить, не беря у хозяина выдачу, но, чтобы скрыть следы своих „шишкосшибательных“ деяний, они все же денег брали еженедельно, хотя и не весь заработок. Подрядчик, не зная о тайных работах десятника, считал его человеком экономным, с самыми скромными потребностями. И это еще больше укрепляло доверие хозяина. Случались промахи и с десятниками, когда они попадались со своими проделками: но хозяева, ценя их опытность и старые заслуги, часто прощали им, и лишь в крайних случаях, когда аппетиты десятников почти не уступали хозяйским аппетитам, хозяин с проклятием прогонял десятника, но через некоторое время не прочь был взять его к себе снова и снова вернуть ему свое доверие. Такова сила привязанности галичан друг к другу в высших малярных сферах. Были, как исключения, и честные десятники, отстаивающие интересы рабочих и не занимающиеся „шишкосшибательством“, но, по мнению деревни, они считались дураками и дуболобами, да и сами подрядчики были о них почти того же мнения.

ПОДРЯДЧИКИ.

Типы маляров подрядчиков разнообразны. Эксплуататорские способности у них были далеко не одинаковы. Одни из них, начав с маленького дела, подымались до больших высот, прихватывая, помимо малярного, вообще строительное дело и постепенно расширяли его. Такие подрядчики распоряжались сотнями, а иногда и тысячами строительных рабочих. Беря подряды, где только можно, они наименее выгодные малярные работы сдавали другим подрядчикам среднего и мелкого полета. Сами они на работах показывались нечасто: здесь их распоряжения выполнялись через управляющих и десятников. Такой подрядчик жил жизнью высшего купечества; многие из них приобретали потомственное почетное гражданство, участвуя в разных благотворительных обществах, имели в Питере по нескольку своих домов и раскатывались на собственных рысаках. Деревенский быт их мало чем отличался от быта помещиков Галичского уезда. У них было достаточно кунчей земли и наемных батраков для обработки ее и поддержания деревенского хозяйства, которое подрядчики хранили, как родное гнездо, хотя в нем и не нуждались. Детям своим такие подрядчики старались дать высшее образование, чтобы вывести их в настоящие люди, но их надежды

на детей оправдывались не всегда: во многих случаях те проматывали папенькино достояние и пускали по ветру все дела, если они передавались им доверчивыми родителями. Рядовые рабочие к крупному подрядчику относились внешне с подобострастием: подрядчик никогда не торчал на работах, не задерживал выдачу заработной платы и, вообще, старался показать перед рабочими свою образованность, говорил с ними (если случалось) снисходительно-покровительствующим тоном. Такие подрядчики являлись представителями немногочисленной подрядчичьей аристократии. Ученики, попавшие к ним в учение, выходили из учения или хорошими мастерами, или впоследствии выводились в казенные десятники. Словом, эти подрядчики всячески старались развить и усовершенствовать свое дело, подготавливая для него хороших мастеров, а для себя преданных людей, вернее, рабов. Но таких галичских подрядчиков насчитывалось только десятки, тогда как тип подрядчика средняка являлся наиболее распространенным, его можно считать многими сотнями. Средняк подрядчик в своем большинстве, прежде всего, — религиозный ханжа, выжимающий из заработка рабочих пяточки и гривенники. К великому неудовольствию рабочих средняки — подрядчики с утра до вечера торчали на работах, всячески понуждая рабочих усилить работоспособность, но это часто имело обратные результаты.

С внешней стороны этот тип подрядчиков имел благообразный степенный вид: по праздникам неизменно посещал церковь, туда же в принудительном порядке гонял и учеников, если у них было свободное время. В рабочие дни подрядчик, выйдя из своей квартиры, осенял себя широким крестным знаменем и отвешивал низкие поклоны на все четыре стороны, снискивая милость божью для начала своего „трудового дня“. Затем отправлялся к малярной кладовой и своим зорким оком следил за своевременным прибытием рабочих, за их распределением на работы и за выдачей материалов, наваливая пудовые поноски на головы и на плечи отбывающих на работы рабочих. Десятниками назначались только свои преданные люди, но и им не было полного доверия.

Подрядчик старался воспитать в соответствующем его мировоззрению духе не только учеников, но даже и рабочих, которые ютились при его квартире.

Один из подрядчиков, заметив, что его рабочие за обедом черезчур ругаются „сырой матерщиной“, в целях их нравственного исправления, издал такое обязательное постановление: каждый матерщинник, обругавшийся за обедом, должен был уплатить 5 копеек штрафа на масло для неугасимой лампы перед образом в их квартире; для пяточков перед образом была подвешена кружка, а десятникам вменялось в обязанность взимать штраф с матерщинников. По инициативе подрядчика и по щедрости матерщинников лампа перед образом постоянно теплилась. Как то раз один из рабочих, придя обедать под хмельком, выкинул на стол сразу полтинник и заявил десятнику:

— Мне без матерщинного слова кусок в горло не идет. На, получи вперед, а ругаться мне не запрещай!—И после этого ругался впродолжение всего обеда, назвав неугасимую лампаду матерщинною, а подрядчика „боговым пятачечником“, с прибавлением самых крепких матюгов, и изругался за время обеда больше, чем на полтинник, но „душу всетаки отвел“. (Это не выдумка, а подлинный факт).

Жизнь среднего подрядчика была грубой и некультурной жизнью, постоянно сосредоточенной на барышах и выжимании из рабочих соков. Особенно туго приходилось рабочим в летние жаркие дни, когда их ставили на окраску раскаленных солнцем крыш. Работать приходилось босиком, чтобы не поскользнуться: краска смешивалась с потом, обильно текущим с маляров, а ястребиное око хозяина посматривало откуда-нибудь из за трубы (подрядчик укрывался в тень), и властный голос весело покрикивал:

— Пошевеливайся, молодчики, пошевеливайся, пользуйся, хорошей погодой, спаси бог, чтобы дождь не нагрянул! — И „молбдчики пошевеливались“ до головокружения, до полного умственного отупения, до страшной боли в обожженных подошвах босых ног. Изредка подрядчик разрешал рабочим „пятиминутную залогу“—покурить и раззорялся на целый двугривенный, ставя ведро квасу для охлаждения глоток и поддержания физической энергии рабочих.

При благопрятной погоде окраска крыш являлась самою выгодною для подрядчика работою, но каторжною для рабочих. Чтобы кончить такую работу за погоду, знакомые подрядчики оказывали друг другу даже помощь, посылая своих рабочих (обычно это делалось в праздники). Такою-же адскою являлись работа по краске фасадов с люлек и сколоченных на живую руку подвесных лестниц. Эта работа также была выгодна для подрядчиков, но рабочие подвергались опасности сорваться с высоты 6-ти этажного здания и разбиться на смерть, что и случалось нередко.

Подрядчик—галичанин всегда старался организовать свою рабочую артель из своих однодеревенцев, знакомых и, в крайнем случае, из галичан. К рабочим—малярам из других губерний и даже уездов он относился пренебрежительно, называя их не малярами, а „маларями“. Галичан он считал лучшими малярами. Но при приеме на работу и их он всегда применял свой тонкий подход. Хотя ему рабочие и нужны были до зареза, но он постоянно отговаривался неимением работы; жаловался на высокую поденщину, на пьянство и лодырничество рабочих и т. п. И только расспросив, где и когда рабочий работал, и выторговав, что было возможно, брал уже его на работу. Взяв на себя роль „патриарха“ среди своих подчиненных галичан, подрядчик всегда заботился об их бережливости, выдавая заработную плату только на порцию (на довольствие) и на самую необходимую нужду. Весь заработок подрядчик старался отослать в деревню семье рабочего. Только особенно упорные рабочие, желающие пошире пожить в Питере, протестовали против такого порядка и за это были нена-

видимы подрядчиком и считались пропащими людьми. Постоянных рабочих у средняка работают 50—60 человек, но в разгаре работ число их увеличивалось до 100 и более человек. Трезвых и выдержанных рабочих подрядчики ценили, делая их десягниками и всячески стараясь задобрить: в деревне они часто роднились с такими рабочими, крестили их детей, справляли свадьбы и даже выдавали за них своих дочерей, а под старость передавали им и все хозяйство, если не было надежных наследников из более близких.

В деревне подрядчик—средняк пользовался почетом, каждый из однодеревенцев старался заслужить его расположение, а породниться с ним считалось за особое счастье и честь.

О мелких подрядчиках—кустарях вряд ли надо много говорить. В Питере они считались „ни рыбой, ни мясом“. Жизнь их полна всевозможных злоключений. Постоянное бегание за получением долгов и от долгов. Рабочих они держали всего 5—10 человек, да и те не ставили своего подрядчика ни в грош, называя его прощелыгой, шаромыжником, пушкарем и т. п. Крупных дел таким подрядчикам не доверяли, а от мелких они не могли раздышаться. Рабочие, проработав у такого кустика, иногда не получали ни копейки в уплату и уходили от него с проклятиями, а иногда и после изрядной драки. Однако, как ни плоха была жизнь мелких подрядчиков в Питере, но себя они все же не забывали и в деревне считались настоящими подрядчиками. Да и сами они старались поддержать свой престиж в родной деревне, щеголяя в лисьих шубах и смотря на рядовых маляров однодеревенцев полупрезрительно. Зная свою подрядчиью несостоятельность, они избегали брать к себе на работу близких земляков, а больше „отыгрывались“ на незнакомых, чтобы скрыть перед земляками следы своих вольных и невольных афер.

З а к л ю ч е н и е.

Мы не могли дать в сжатом очерке исчерпывающего материала о питерщиках-галичане (даже об одних малярах, не считая других профессий) за неимением иных материалов, кроме непосредственного наблюдения их быта и жизни. Наш очерк является только опытом в этом отношении и служит лишь подготовительным материалом для дальнейших работ. Условия революционного быта резко изменили весь прежний уклад жизни питерщиков. За период революции архитектурно-строительный цех почти совершенно исчез. Рабочие этого цеха, в том числе и галичане, ухватились за деревенскую землю почти все целиком, не исключая крупных и мелких подрядчиков, купцов, торгашей и т. п. Лишь немногие, вполне опролетаризовавшиеся или приспособившиеся к условиям жизни столичных городов, не вернулись в деревню: подавляющее же большинство галичан с революцией сделались вольными и невольными землеробами.

Иногда смешно и странно было видеть за эти годы недавних подрядчиков в роли землеробов. И нельзя думать, что к земле они вернулись навсегда: „трудолюбие“ это временное.

Новая экономическая политика вновь двинула галичан в Питер к своей профессии, но движение это происходит пока еще медленно и неуверенно. Маляры—рабочие не знают, как лучше применить к новым условиям свою профессию. Подрядчики смекают, как бы перехитрить Советскую власть и вновь приняться за эксплуатацию. Советские декреты противоречат их намерениям, поэтому они стараются обойти их, пробуя создать трудовые товарищества и др. виды организаций, прикрывающие их основные побуждения. Во главе отдельных из таких организаций, во многих случаях, стоят уже в настоящее время старые знакомцы—галичане-подрядчики...

Дальнейшее развитие малярно-живописного цеха среди галичан при новых условиях труда и его организации будет зависеть от многих причин обще-экономического порядка. Во всяком случае, надо полагать, и об этом свидетельствует все более и более усиливающаяся тяга от земли в Петроград за последнее время, что отхожий промысел среди нашего уезда вновь разовьется и разовьется в неменьших размерах, как он существовал в довоенное время.

Примечание.

Более подробное описание некоторых сторон быта „питерщиков“ можно видеть в следующих работах:

1. **Барыков С.**—Ученичество в малярном промысле в Воскресенской волости Галичского уезда „Труды Костр. Науч. Об-ва по изуч. местного края“, вып. I, к. 1914 г., стр. 117-126.

2. **Жбанков Д. И.**—Бабья сторона. „Материалы для статистики Костромской губ.“ VIII, к. 1891, стр. 1-136. Отхожие промыслы Солигаличского и Чухломского уездов.

3. **Максимов С. В.**—Лесная глушь. Картины народного быта ч. I и II, изд. Плотникова. СПб. 1871. Собр. сочин., т. XIII—XIV изд. 2-е СПб. 1909. Жизнь Костромских маляров в Питере, стр. 138-174.

Р е д а к ц и я.

ПРОДАЮТСЯ ИЗДАНИЯ ТОГО ЖЕ О-ВА:

Выпуск I-й.

И. И. ОЖОГИН — Метеорологические и водомерные наблюдения в г. Галиче и на Галичском озере за 1913—1922 г. г. Цена 10 коп. золотом.

Выпуск II-й.

С. Г. ВАЛЬМУС и И. Ф. ПРАВДИН — Материалы по обследованию Галичского озера. Цена 25 к. зол.

Приготовлены к печати:

Проф. Д. И. НЕКРАСОВ — Древности Галича Костромского.

Ф. А. РЯЗАНОВСКИЙ — Из истории рыбных промыслов на Галичском озере с XVI-XVIII ст. ст.

А. И. СОЛОВЬЕВ — „Шокша ее быт и нравы“ (этнографический очерк).

Адрес и склад издания: г. Галич, Костромской губ., ул. Долматова, Музей Местного Края.

Handwritten scribbles and marks in the top left corner.

M-103
0-75

Handwritten numbers and scribbles:
75
79880/1601

ЦЕНА 15 КОП. ЗОЛ.